

Рейн Скай

Мешковина и уголь

Слүтовияе
дняпй брүвклях

Рейн Скай

Мешковина и уголь

<https://litres.ru/74594403>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть посёлки, где после девяти вечера нельзя шуметь. Здесь это не правило соседей и не закон — это способ выжить.

Артём приехал сюда как обычный командировочный и остался человек без прошлого: тишина в Глухоборье умеет забирать память, голос и желание уйти. Спасти можно только вдоль реки — по следам на снегу и запискам тех, кто вышел раньше.

Но вырваться — не значит убежать. А однажды, спустя годы, на снегу у его дома появляются свежие следы.

И они ведут не от посёлка. К нему.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Рейн Скай

Мешковина и уголь

Глава 1

Автобус трясся на выбоинах, будто пытался стряхнуть с себя пассажиров. За окном тянулась бесконечная полоса серых заборов, покосившихся сараев и редких фонарей, которые горели даже днём — как будто посёлок боялся остаться наедине с собой.

Артём приехал в Глухоборье не по своей воле. Его редакторша, Марина, сказала: «Тебе нужен материал. Настоящий, не из интернета. Поживи там неделю, посмотри, как люди живут, когда до города три часа на автобусе, а связь ловит только на крыше сарая». Артём хмыкнул, но согласился. В последнее время ему казалось, что он пишет не статьи, а сухие отчёты о чьей-то чужой жизни. Хотелось почувствовать что-то настоящее. Или хотя бы услышать, как скрипит снег под ботинками, а не шуршит ковёр в съёмной квартире.

Хозяйка дома, баба Нюра, встретила его на крыльце. Она была невысокой, плотной, с лицом, на котором морщины легли так густо, будто кто-то пытался стереть с него все эмоции, но не справился.

— Ты, главное, по ночам не ходи никуда, — сказала она,

принимая у Артёма сумку. — У нас тут... свои правила.

— Какие правила? — усмехнулся Артём. — Не кормить бродячих собак? Не смотреть на луну?

Баба Нюра посмотрела на него так, будто он только что произнёс заклинание, которое лучше было не произносить.

— Не шути, — сказала она тихо. — У нас тут тишина не просто так. Её берегут.

В комнате, которую ему выделили, пахло старым деревом и чем-то ещё — терпким, почти металлическим. На стене висела фотография: группа людей в одинаковых тёмных пальто, лица серьёзные, будто их снимали не для альбома, а для протокола. Артём присмотрелся: в углу снимка виднелась вывеска — «Клуб железнодорожников». Только вот железной дороги в Глухоборье никогда не было.

— Это кто? — спросил он, когда баба Нюра принесла чай.

— Да так... — она отвела взгляд. — Старые жители. Давно это было.

Чай был крепким, горьким, и Артём вдруг почувствовал, как усталость, копившаяся неделями, оседает где-то в груди тяжёлым комком. Он хотел спросить ещё, но хозяйка уже вышла, тихо прикрыв дверь.

Когда стемнело, посёлок будто выключили. Свет в окнах гас один за другим, и вскоре единственным звуком остался ветер, который гудел в проводах, как недовольный старик. Артём сидел у окна, глядя на улицу, где тени от редких фонарей ложились на снег неровными кляксами. Ему казалось,

что эти тени чуть длиннее, чем должны быть.

Он достал блокнот и начал писать: «Глухоборье — посёлок, где тишина — не отсутствие звука, а его форма. Здесь не кричат, не смеются громко, не хлопают дверьми. Здесь боятся нарушить равновесие».

И тут он услышал скрип.

Не тот скрип, который бывает, когда дом остывает и сжимается от холода. Это был скрип шагов. Чёткие, размеренные, будто кто-то шёл по коридору, но в доме, кроме Артёма и бабы Ньюры, никого не было. Баба Ньюра спала в соседней комнате — он слышал её ровное, тяжёлое дыхание.

Скрип приблизился к двери. Потом остановился.

Артём замер, держа ручку над блокнотом. Ему вдруг стало стыдно за свою городскую самоуверенность — за то, как он улыбался, когда баба Ньюра предупреждала его. Сейчас эта улыбка казалась ему глупой, почти детской.

Дверь медленно приоткрылась.

На пороге стояла девочка лет десяти. В пижаме с выцветшими звёздами, босиком. Она смотрела на Артёма не испуганно, а как будто оценивающе — будто решала, можно ли ему доверять.

— Ты новенький, — прошептала она. — Я тебя видела из окна.

— Привет, — голос Артёма прозвучал хрипло. — Ты чего не спишь?

— Нельзя спать, — девочка вошла в комнату и села на

край кровати. — Они приходят, когда все спят.

— Кто приходит?

Девочка помолчала, будто прислушиваясь к чему-то, чего Артём не мог слышать.

— Те, кто живёт в тишине, — сказала она наконец. — Они не любят, когда кто-то задаёт вопросы. Особенно приезжие.

— О чём ты говоришь? — Артём попытался улыбнуться, но улыбка не получилась.

— Ты будешь писать про нас, — девочка кивнула на блокнот. — Но не пиши всё. Если напишешь слишком много, они узнают.

— Откуда ты знаешь, что я пишу?

— Я всё знаю, — просто сказала она. — Я тут давно живу.

И тут Артём заметил, что на ногах у девочки нет ни следа от снега. Хотя дверь в коридор была приоткрыта, и холодный воздух тянулся по полу.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Меня зовут Лена, — ответила девочка. — Но лучше не зови меня по имени. Они слышат имена.

Она встала, подошла к двери и оглянулась.

— Если хочешь остаться живым и нормальным, — прошептала она, — не выходи ночью на улицу. И не ищи клуб железнодорожников. Его больше нет. Но он всё ещё здесь.

Дверь закрылась.

Артём сидел, не шевелясь, пока сердце не перестало колотиться о рёбра. Потом он встал, подошёл к двери и осто-

рожно приоткрыл её.

Коридор был пуст.

Только на полу, у порога, лежали два маленьких отпечатка босых ног. Но они вели не к выходу, а к стене — туда, где висела старая карта посёлка. И на этой карте, в самом центре Глухоборья, был нарисован кружок с надписью: «Клуб железнодорожников».

Артём сделал шаг назад и закрыл дверь.

«Это просто усталость, — подумал он. — Просто странный посёлок, странные люди, странная девочка. Завтра всё будет нормально».

Но он знал, что не выйдет на улицу днём, чтобы спросить у кого-нибудь про Лену. Потому что никто не вспомнит её имени.

Глава 2

Артём закрыл дверь и прижался к ней спиной, будто это могло удержать снаружи то, чего он не видел. Он заставил себя дышать ровно, но воздух в комнате стал гуще, будто впитал в себя все шепоты посёлка.

Он вернулся к столу, взял ручку, хотел дописать фразу про тишину, но рука дрогнула, и линия пошла криво, расплываясь, как трещина на льду. Артём чертыхнулся, вырвал лист и скомкал его.

«Это просто усталость, — снова подумал он, но теперь эта мысль звучала не как убеждение, а как заклинание, которое повторяют, чтобы не сойти с ума. — Просто странный посёлок, странные люди, странная девочка. Завтра всё будет нормально».

Но «нормально» здесь, похоже, было словом из другого языка.

Утром баба Нюра вела себя так, будто ничего не случилось. Она гремела кастрюлями, ставила на стол миску с густой кашей, пахнувшей топлёным маслом и чем-то травяным, и говорила о будничных вещах: про то, что дрова надо заказывать заранее, про то, что у соседки кошка опять пропала, про то, что в магазине опять нет сахара, зато привезли странные консервы с этикеткой, которую никто не может разобрать.

— Ты чего бледный такой? — спросила она, наливая чай.
— Не спится? У нас тут воздух тяжёлый, к нему привыкать надо.

Артём хотел спросить про Лену, но слова застряли в горле, словно кто-то заранее знал, что он собирается это сделать, и подтолкнул его к молчанию. Вместо этого он спросил про клуб железнодорожников.

Баба Нюра замерла с чайником в руке, и на секунду в комнате повисла такая тишина, что стало слышно, как в трубе где-то далеко капает вода — размеренно, будто отсчитывая секунды.

— Какой клуб? — переспросила она, не глядя на него.
— У нас никогда железной дороги не было. Откуда клубу взяться?

— На фото у меня в комнате... — начал Артём.

— А, это старое фото, — быстро сказала она, будто ждала этого вопроса и заранее приготовила ответ. — Там не клуб. Там просто дом, который раньше был клубом, да только это давно было. Ещё до моего времени.

Она поставила чайник, отвернулась и стала переставлять банки на полке, делая вид, что это самое важное дело в мире. Но Артём заметил, как побелели костяшки её пальцев, сжимавших край полки.

Когда он вышел на улицу, посёлок встретил его привычной серостью. Снег лежал плотным, тяжёлым слоем, и в нём не было ни одного следа, кроме его собственных. Ни соба-

чьих, ни кошачьих, ни человеческих. Как будто за ночь Глухоборье стёрло все воспоминания о том, что кто-то здесь ходил.

На углу стоял старый почтовый ящик, покосившийся, с облупившейся краской. Артём машинально бросил взгляд внутрь — там лежало письмо. Обычное, в белом конверте, без марки, без адреса, только его имя, выведенное аккуратным, чужим почерком: «Артёму».

Он достал его, повертел в руках. Конверт был холодным, будто его держали в морозильнике. Внутри оказался листок, на котором было написано всего две фразы:

«Мы знаем, что ты пишешь. Не пиши слишком много».

И ниже, мелким почерком, как будто добавленным позже:
«В Глухоборье не любят гостей. Но ещё больше не любят тех, кто остаётся».

Артём скомкал письмо и сунул в карман, но ощущение, что бумага продолжает жечь ему ладонь, не проходило.

По дороге к заброшенному дому, который он приметил как место для заметок, ему встретился местный мальчишка, лет двенадцати, в старой куртке с оторванным капюшоном.

— Эй, ты чего тут ходишь? — крикнул он, будто Артём был не гостем, а нарушителем.

— Да так, осматриваюсь, — ответил Артём. — Хочу статью написать. Про жизнь в глубинке.

Мальчишка фыркнул, будто услышал самую нелепую вещь в жизни.

— Тут жизни нет, — сказал он. — Тут только ожидание.

— Чего ожидание?

— Того, что не придёт, — мальчишка пожал плечами и пошёл прочь, оставляя на снегу чёткие следы, которые тут же начали расплываться, будто снег не хотел их запоминать.

В Глухоборье не принято говорить о главном. Но если прислушаться, эти фразы висели в воздухе, как выцветшие плакаты на стенах клуба, которого больше нет:

«Когда люди перестают удивляться странностям, странности перестают быть странностями. И становятся правилами».

«В провинции страх не кричит. Он шепчет. Он сидит на кухне, пьёт с тобой чай и советует не задавать лишних вопросов».

Артём вдруг понял: он не первый, кто записывает эти слова. Просто до него никто не возвращался, чтобы их прочитывать.

Глава 3

Утром второго дня Артём решил найти клуб. Логика была простая: если на карте он есть, значит, было и здание. Если здание было — значит, кто-то его помнит. А память, даже стёртая, всегда оставляет следы: заплатку на заборе, новую штукатурку на старой стене, дорогу, которая ведёт в никуда слишком уверенно, чтобы вести в никуда.

Он разложил карту на столе — ту самую, что висела в комнате, — и увидел то, чего вчера не разглядел. Кружок с надписью «Клуб железнодорожников» был обведён ручкой. Свежей. Чернила ещё чуть блестели, будто обвели его минуты тридцать назад.

Артём один раз нарисовал кружок. Один. И этот был второй.

Он вышел на улицу. Мороз стоял плотный, липкий — не тот, что обжигает, а тот, что обволакивает, будто посёлок надел на тебя перчатку и не отпустит. Дорога к центру была прямая и скучная: три дома, колодец, ржавая качеля, опять три дома. И всё это время Артём чувствовал на спине взгляд. Не враждебный — внимательный. Так смотрят не на чужака. Так смотрят на того, кто опаздывает.

Клуба не было. На его месте стоял пустырь, огороженный покосившимся штакетником. Посреди пустыря — бетонная плита. Просто плита, серая, в трещинах, со следами старой

плитки. И на плите — мелом, крупно, ровным почерком:

«ТИХО»

Не «стой», не «не входить». Просто «тихо». Как будто от него ждали не послушания, а звука. Как будто сам факт, что он пришёл сюда и что-то понял, уже был шумом, который надо загасить.

Артём присел на корточки и провёл пальцем по буквам. Мел был свежий. И под надписью, почти стёршийся, проступал другой текст — старый, написанный, кажется, краской:

«Здесь стоял КЛУБ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ 1954—1991».

И даты смерти нет. У зданий всегда есть даты обе. У этого — только рождение. Как будто умереть он отказался.

Он достал телефон, сфотографировал плиту. Экран вспыхнул, снимок сохранился. Артём открыл галерею — на месте снимка была серая пелена. Фотография как будто не помнила, что она сфотографировала. Он сделал второй снимок, третий. Пелена.

Телефон не умел видеть то, чего нет.

«Страх приходит не тогда, когда видишь чудовище. А когда понимаешь, что все вокруг давно с ним знакомы — и делают вид, что это нормально». — Артём вспомнил эту строчку из своих же заметок и впервые почувствовал, что писал её не сам.

На обратной дороге у колодца стояла женщина. Пятидесяти лет, в распашонке, со вёдрами. Она смотрела на пустырь

так, как смотрят на свежую могилу знакомого: с усталостью, без удивления.

— Вы ходили туда, — сказала она. Это не был вопрос.

— Ходил. Что там было?

— Клуб, — сказала она и, помолчав, добавила: — Был.

— А потом?

— А потом мы перестали об этом говорить. — Она поставила вёдра и выпрямилась. — Слушайте, приезжий. У нас тут правило простое. Что бы вы ни увидели — в полдень вы этого не видели. В сумерках — тоже. Ночью тем более. Видеть можно только до рассвета, и то если очень надо. Тогда это не считается.

— Почему?

— Потому что то, что видят до рассвета, — это сон. А сон простить могут. А то, что видят днём, — это уже правду. А правду здесь однажды пробовали сказать. — Она подняла вёдра. — Больше тут никого правдивого не осталось. Спросите у кого хотите.

И она ушла. Артём смотрел ей вслед и понимал, что впервые за два дня слышал в посёлке громкий голос. Женщина говорила в полный голос — и это само по себе звучало как нарушение. Как будто остальные говорили шёпотом не от скромности, а от выученной осторожности.

Баба Нюра встретила его на крыльце с блокнотом в руках. С его блокнотом — тем, который он не выносил из дома.

— Ты много пишешь, — сказала она без упрёка. Она ли-

стала страницы, и Артём видел, как под её пальцами мелькают его же фразы. — Пишешь и пишешь. Хорошо. Писать можно. Тут все писали.

— Что значит — все?

— А то и значит. Гости тут бывают. Раз в год, иногда реже. Приезжают, живут, записывают. А потом уезжают. — Она закрыла блокнот и отдала ему. — Или не уезжают. Смотри.

Она открыла блокнот с конца. Там, где у Артёма были чистые страницы, оказалось исписано ровно столько же, сколько в начале. Другим почерком. Другими почерками. Смена рук шла через каждые несколько страниц, и все записи заканчивались одинаково — на полуслове. Кто-то писал: «Я понял, в чём дело, надо только...» — и всё. Кто-то: «Завтра я скажу им, что...» — и всё.

Последняя запись была почти чистым листом с одной строчкой:

«Если ты это читаешь — у тебя ещё есть время, пока ты думаешь, что у тебя есть время».

— Кто это писал? — спросил Артём. Голос сел.

— Гости, — сказала баба Нюра и по-хозяйски забрала у него блокнот, положила на полку. — Разные. Ты их, правда, не вспомнишь. У нас память гостье в дорогу не выдают. Она тут остаётся. Как залог.

— Я тоже так уеду? С пустой памятью?

Баба Нюра посмотрела на него долго. И в этом взгляде не было злобы — только та особая, деревенская усталость,

с которой смотрят на весну: она придёт, и с ней ничего не поделаешь.

— Все так уезжают, — сказала она. — И все так возвращаются. В город, где им кажется, что они забыли что-то важное. Они не помнят что. Только звучит это в них всю жизнь, как выключенный радиоприёмник. — Она вздохнула. — Ужин в восемь. Не опаздывай. После восьми дверь не открываем. Не потому что боимся. Потому что потом открывать уже не надо.

В восемь вечера Артём сел за стол. Баба Нюра заперла дверь на два замка, задвинул засов и задёрнул шторы — все три, хотя за окном была глухая зимняя темень и смотреть было не на что.

Они ужинали молча. Щи, хлеб, чай. И только когда часы над буфетом пробили девять, баба Нюра заговорила — тихо, глядя в стол:

— Вот теперь можно. До девяти тут нельзя. Теперь объясню, что ты и так уже понял, только сам себе не признался.

Она рассказала коротко. Клуб существовал. Там показывали кино, там танцевали, там, в подвале, было что-то ещё — что, она не знает, потому что туда пускали не всех. В девяносто первом, когда всё разваливалось, клуб не закрылся. Он остался. Просто из него ушли люди, а он — нет.

— Дом без людей не пустует, — сказала она. — В нём кто-то есть всегда. Вопрос только в том, кто.

— И кто там?

— Тишина, — сказала баба Нюра так просто, как отвечают на вопрос, сколько стоит хлеб. — Она там поселилась. И с тех пор она у нас в посёлке как человек: у неё есть место, у неё есть время и у неё есть правила. Мы её кормим тишиной. Не шумим после девяти. Не гудим машинами. Дети не кричат на улице. Поминают покойников шёпотом. Она сыта — и она нас не трогает.

— А если она проголодается?

— Тогда приезжают гости, — сказала баба Нюра и впервые за вечер подняла на него глаза. — Ты приехал в голодный год. У нас три года гостей не было.

Чай в стакане перестал дрожать. Или это перестали дрожать руки.

— Три года? — переспросил Артём. — А что было три года назад?

— Ничего, — сказала баба Нюра. — Вот именно что ничего. Ни свадеб, ни похорон, ни криков, ни ссор. Три года посёлок молчит. Она доела всё, что мы ей могли дать. А теперь ей нужен голос. Кто-то, кто громко говорит, громко пишет, громко удивляется. — Она отвела взгляд. — Ты очень громкий, Артём Николаевич. Для этих мест.

Он вспомнил блокнот. Чужие записи, обрывающиеся на полуслове. Пустые фотографии. Снег, который не запоминает следов.

— А если я просто уеду? Завтра, автобус в семь утра.

— Уедешь, — согласилась она. — Город запомнит, что

ты был в командировке. Блокнот запомнит, что его листали. А что запомнишь ты — не знаю. Может, ничего. Тогда через несколько лет тебе захочется тишины, и ты поедешь куда-нибудь в глушь, в маленький посёлок. — Она поднялась, собрала тарелки. — И автобус остановится у знакомого забора.

Часы пробили десять.

И в наступившей после боя тишине Артём слышал то, что не слышал до этого — потому что не было контраста. Тишина за окном была не пустой. Она была **полной**. В ней было столько всего, что она переполнялась и начинала звучать — низко, ровно, на самой границе слуха, как ток в проводах. Как дыхание.

Посёлок дышал.

Глава 4

Артём проснулся задолго до рассвета. В комнате было темно и тихо — настолько тихо, что тишина казалась плотной, как вата, и каждое движение в ней звучало отдельно: скрип кровати, шорох куртки, звяканье молнии. Он оделся быстро, почти бесшумно, будто боялся разбудить сам воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.